

СОХРАНЕНИЕ БИОРАЗНООБРАЗИЯ КАМЧАТКИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ МОРЕЙ

Доклады III научной конференции
26-27 ноября 2002 г.

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ И СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

TENDENCIES OF FORMATION OF THE CONCEPTS AND STRATEGIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Р.С.Моисеев

**Камчатский филиал Тихоокеанского института географии (КФ ТИГ) ДВО РАН,
Петропавловск-Камчатский**

К настоящему времени общечеловеческий процесс, получивший название «устойчивое развитие» накопил почти вековую историю научных предвидений, теоретической и методологической подготовки. Началом этой истории можно считать работы В.И.Вернадского, Тейяр де Шардена, обобщивших и научно выразивших идеи о необходимости гармоничного сосуществования Общества и Природы. Этот процесс имеет почти сорокалетнюю историю практической подготовки и развития, когда разрозненные действия по спасению от ограниченного ущерба или истребления человеком отдельных компонентов природы, перерастали во все более консолидируемые в правовом, организационном, экономическом, политическом, технологическом, межотраслевом, межгосударственном отношении системы мер по сохранению природной среды, биосферы методами взаимоувязанного, комплексного регулирования человеческой деятельности в экологической, экономической, социальных сферах.

За достаточно длительное время развития этого процесса проявились некоторые его особенности, взаимосвязи, зависимости, анализ которых позволяет предположить действия характерных для него тенденций, закономерностей, механизмов, движущих сил и выстраивать прогнозы о возможных траекториях его развития.

В практическую стадию устойчивое развитие переходит в период, когда политические и общественные движения, выражающие воззрения достаточно крупных социальных групп, осознали и стали выражать через государственные институты необходимость объединенного, взаимоувязанного, неразделимого

разрешения трех основных видов проблем человечества. Ранее эти проблемы на государственном уровне решались разрозненно.

В экономической сфере к концу XX века в так называемых «развитых» странах, формирующих направление мировой экономики, господствовала идеология «общества потребления». Приоритетом в этой идеологии является не удовлетворение потребностей человека и общества, а накопление богатства. При этом удовлетворение потребностей общества является только средством. Под воздействием целевых установок, ориентированных на такой приоритет, в экономике сформировалось устойчивое стремление к увеличению производства материальных благ сверх реальных естественных потребностей человека и общества в количественном и качественном отношении, в том числе за счет формирования искусственных потребностей. Среди целей экономического развития есть и ориентированные на удовлетворение потребностей, гипертрофированно развитых на базе низменных инстинктов, с разрушением физиологических, психических и моральных основ человека как организма и социально организованной личности. Среди методов экономического развития «развитых» стран одними из основных становятся методы извлечения стоимостей, созданных в «менее развитых» странах, за счет диспаритета цен, вывоза процентов на ввезенный капитал и т.д. В рамках заданного приоритета накопления богатства сложилась устойчивая тенденция к безудержному истощению природных ресурсов и разрушению среды обитания живого, в том числе среды обитания человека.

В социальной сфере для конца XX века характерно нарастание противоречий между «бедными» и «богатыми». При этом под «бедными» и «богатыми» понимаются не только отдельные люди и социально-экономические группы, но и национальности, народы, этносы, государства, группы государств, зоны Земного шара, наконец. При сложившихся технологиях такие противоречия приводят не только к социальным, в том числе и острым, внутри отдельных стран. Эти противоречия становятся основой зачастую бескомпромиссных противостояний межгосударственного и далее – глобального масштаба, принимающего характер так называемых «цивилизованных войн», конфликтов на оси «Север» - «Юг» и т.п. (например, по Хантингтону, Бжезинскому и др.). При сложившихся сверхразрушительных военных технологиях (оружие массового поражения) это несет опасность массового, тотального разрушения не только социально-экономических систем, являющихся конкретной целью войны, но природных систем и общества в целом в глобальном масштабе, то есть и населения, и среды его обитания (например, «ядерная зима»).

В сфере биологической (экологической, экосистемной) продолжение развития человечества в сложившихся в XVIII – XX веках социальных, экономических, технологических стереотипах, ведет к переходу природной среды в неравновесное состояние, к разрушению биосферы, сложившейся как природный комплекс, породивший и обеспечивающий существование человека, как живого организма, как популяций, как вида. Продолжение этой траектории развития человечества может привести к такой трансформации природных систем, в первую очередь биосферы; в состояние, обеспечивающее организменную, популяционную, а затем и социально-экономическую его деградацию.

Понимание неразрывной связи экономических, социальных и экологических проблем и необходимости их взаимосвязанного решения проявилось на межгосударственном уровне (например, «Римский Клуб», комиссия Брунтланд) в последней трети XX века, достигнув формального пика в материалах международной конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Однако вплоть до 2002 года понимание триединства этой проблематики сохраняет в основном умозрительный характер. Попытки изменить ситуацию принимаются исключительно разрозненно по вышеназванным сферам, государствам, межгосударственным блокам. В лучшем случае взаимоувязанные программы принимаются по отдельным компонентам природной среды в отдельных межгосударственно значимых природных системах (Балтийское и Баренцево моря, Север Тихого океана и др.). Зачатки комплексного глобального и субглобального подхода отмечаются только на уровне общественных организаций, не располагающих возможностями, соответствующими задаче взаимосвязанного решения всех вышеназванных проблем.

Являющийся объективно необходимым для человечества процесс перехода к устойчивому развитию до последнего времени носит спонтанный характер. В нем еще не выработана управляемость; не создаются механизмы, способные эффективно координировать разрозненные усилия; в международных отношениях в глобальном масштабе продолжают господствовать не общечеловеческие интересы сохранения человечества («права человека», как общественный интерес, при всей своей важности не являются основным приоритетом развития), а экономические и политические интересы отдельных стран, групп стран, транснациональных финансово-экономических группировок. К таким интересам относятся интересы, движущие такими явлениями, как переход от «третьей, холодной мировой войны» к новой, еще не сформировавшейся и плохо предсказуемой фазе развития межгосударственных взаимодействий. Процесс перехода к «устойчивому развитию» происходит одновременно с процессом «глобализации», формально обозначенным только в середине 1990-х годов, но по приданию ему международной значимости занявшим более высокое место, чем «устойчивое развитие». Это объяснимо, поскольку процесс «глобализации» в его современном виде ориентирован на господствующие в мировой экономике приоритеты накопления богатства, а не на приоритеты естественных потребностей человека. Этим объясняется, почему проявление процесса «глобализации», как занявшего ведущее место в мировых социально-экономических процессах, хронологически совпадает с крушением экономики так называемого «социалистического типа», ориентированной на иные приоритеты. Этим же объясняется, почему одним из основных приоритетов родившегося в развитых странах и первоначально стихийного, но все более организующегося общественного движения, называемого «антиглобализмом», является приоритет, выраженный в лозунге: «Люди важнее прибыли».

Названные процессы не только не укладываются в сложившиеся интересы господствующих в мировой экономике сил, но они конъюнктурно остры, требуют оперативного внимания и развиваются в привычных, устоявшихся стереотипах экономических, социальных взаимодействий, вплоть до вооруженных противостояний; в привычных методах соглашений, формирования группировок, блоков и т.п. Эти обстоятельства пока еще недостаточно учитываются не только в политической и экономической практике формирования процессов перехода к «устойчивому развитию», но и в научных разработках, что приводит к постановке

неадекватных динамично развивающейся ситуации нереальных задач. В то же время нарастание и обострение противоречий в социальных, экономических, демографических, межнациональных, межэтнических, межкультурных процессах представляет реальную угрозу того, что процесс «устойчивого развития» может не принять характер общечеловеческого, может не успеть развиваться в процессе, предотвращающий глобальные, субглобальные и региональные негативные экологические последствия. Процесс «устойчивого развития», если не будут созданы эффективные механизмы его управления, продолжится не в тех формах, темпах, масштабах, на которые его теоретически рассчитывают. Это, с одной стороны, не позволит получить ожидаемые положительные объективные результаты в состоянии окружающей среды, а, с другой стороны, вызовет негативные субъективные явления: разочарование, уныние, пессимизм, безверие, - у сторонников интенсификации этого процесса.

Одна из важнейших особенностей состоит в том, что попытки спонтанных и разрозненных действий, ориентированных на сложившиеся представления об «устойчивом развитии», до последнего времени представляют в значительной мере реакцию на отдельные критические ситуации. Они не объединены ни формально, ни содержательно не только вследствие организационных, технических, экономических сложностей. «Устойчивое развитие» до последнего времени обеспечено только общими концептуальными соображениями отдельных ученых, проектными предложениями и директивными заявлениями отдельных государственных органов и общественных движений. Оно не имеет обобщенной концепции, стратегий, многоуровневой и многовидовой системы целей и задач, методов, средств и других условий, необходимых для любой крупномасштабной целесообразной человеческой деятельности. Вызывают сомнения и требуют системного раскрытия основные целеполагающие понятия «устойчивого развития», например «сохранение биоразнообразия». Буквально понимая это словосочетание в удобном для себя смысле, то есть не как необходимость некоего состояния, а как необходимость осуществлять некую привычную деятельность, распорядители кредитами и исполнители практических экономических и технических мероприятий измеряют «сохранение биоразнообразия» количеством израсходованных средств, перемещенного грунта, построенных тротуаров, рыбоводных заводов и т.п. В то же время, при употреблении этого словосочетания в официальных заявлениях и обеспечении практических действий, осознанно или неосознанно не учитывается, что в понятие «биоразнообразие» входит и человечество со всем своим внутривидовым расовым, национальным, этническим, функциональным и т.п. многообразием. Очевидно, что это связано не только с профессиональным мировоззрением отдельных людей, но и с теоретической и методической неразработанностью проблем, начиная с понятийного аппарата.

При теоретическом осмыслении процесса перехода к «устойчивому развитию» есть основания обратить внимание на волнообразность этого процесса. У него очевидны пики и спады, но в теоретических разработках не выработано понимание причин, движущих сил, условий, периодичности, последствий и других явлений, связанных с колебательным характером этого процесса. Вследствие этого пики и спады в «устойчивом развитии» воспринимаются не рационально и конструктивно, а эмоционально и неуравновешенно, вызывая то чрезмерное воодушевление и эйфорию, то необоснованное глубокое расслабляющее разочарование.

В настоящее время в процессе перехода человечества к «устойчивому развитию» есть все признаки спада. На глобальном уровне этот спад может быть охарактеризован выдержкой из совместного заявления «Гринпис» и Всемирного предпринимательского совета («совета по бизнесу»), оглашенного при проведении в 2002 году юбилейной Всемирной Конференции ООН (Йоганнесбург, ЮАР). «Несмотря на известные всем разногласия, разделяющие нас, мы одинаково разочарованы недостатком политической воли правительств в выполнении обязательств предыдущего саммита в Рио-де-Жанейро» [Зеленый мир № 20, 2002]. На уровне отдельных стран этот спад демонстративно подчеркнут политикой президента США, ориентированной на отмену многих национальных экологических ограничений в экономической сфере и откровенно агрессивное поведение во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах. В России этот спад наиболее заметен в сфере государственной власти и управления: ликвидирован функциональный орган Министерского уровня, ответственный за организацию рационального пользования природой, как целостной системой, и за состояние природы в целом. Менее заметны, но хорошо известны специалистам массовые природоразрушительные и ресурсистоощущающие стереотипы хозяйствования, утверждающиеся в сырьедобывающих отраслях. Даже в научной сфере не всем известна трансформация смысла, вкладываемого в систему понятий, связанных с термином «экология». В классификаторах наук «охрана природы и рациональное природопользование» вытесняется термином «геоэкология», а управление исследованиями и финансирование тем по этим направлениям смещается из подразделений биологической специализации в подразделения специализации геологической. Не имея ничего против развития геологических наук, следует заметить все же, что проблемы «устойчивого развития» (имеющие экологический характер), связаны с остротой ситуации, сложившейся не только в окружающей среде вообще, но в первую очередь в «БИОсфере», а одна из главных угроз проявляется в области «сохранения БИОразнообразия».

В отраслевом разрезе этот спад проявился в откровенном торможении реализации известного Киотского протокола, в частности - в России, до тех пор, пока не возникла идея распределения возникающих в его рамках «экономических преференций» в пользу крупнейших сырьедобывающих частных компаний [Зеленый мир № 20, 2002].

Известен также «ползучий» и прикрываемый «научно оформленными» ссылками отказ от заповедного режима в заповедниках России путем разрешения на их территории хозяйственной туристической деятельности, называемой «экологическим» туризмом.

В то же время процесс перехода к «устойчивому развитию» имеет все предпосылки для сохранения инерции, для сохранения потенциала, для подготовки к предстоящему периоду подъема. Чтобы рационально использовать и, тем более, не растерять эти предпосылки, необходима целенаправленная деятельность по основным, обеспечивающим развитие направлениям. Важно интенсифицировать теоретические, методологические и методические разработки, без которых «устойчивое развитие» не сможет в сроки, соответствующие объективно обусловленным задачам, обрести необходимые управляемость, целенаправленность, организационную структуру, планомерность и т.п. Важно также,

рассматривая «устойчивое развитие» не как состояние, не как результат, а как процесс, разработать научные обоснования для создания системы управления, включающей правовые и экономические, в т.ч. финансовые механизмы, методы, формы и средства; учитывающей стадийность, скорость, смену темпов развития этого процесса; предусматривающей необходимость реакций на возможные непредвиденные обстоятельства, планирующей формирование нового мировоззрения у населения и прежде всего у экономической и политической элиты; создающей кадровое обеспечение процесса.

Необходимо также иметь в виду, что спад в развитии процесса не означает его ликвидации. Неравномерность развития является столь же присущей обществу закономерностью, как и развитие его, в конечном счете, в объективно обусловленном направлении. А поскольку «устойчивое развитие» и «сохранение биоразнообразия» объективно необходимо, то даже в периоды спада в переходном процессе сохраняется возможность выдерживать основные направления его развития и в целом, и региональном, локальном, видовом, отраслевом отношениях.

Так, для сохранения состояния природной среды, биоразнообразия, природно-ресурсной базы рыбного хозяйства, для развития экономической и социальной сфер в Камчатской области могут быть использованы отдельные решения конференции в Иоганнесбурге (ЮАР, 2002 г.), общая оценка которой относительно невысока.

Таково решение о сохранении рыбных ресурсов планеты не только как важного компонента природной среды, но и как необходимого элемента в продовольственном балансе человечества. Таково же решение о важности сохранения ресурсов природной питьевой воды, которые, учитывая продолжающийся рост численности населения и быстрое сокращение запасов чистой природной воды вследствие ускорения ее загрязнения, быстро становятся острейшим дефицитом, фактором, ограничивающим социально-экономическое развитие в глобальном масштабе.

Оба решения позволяют формировать на Камчатке и в прилегающих морях стратегию природопользования, ориентированную на приоритеты природосбережения и рациональное использование в экономических процессах становящихся наиболее дефицитными в мире и водных биологических ресурсов, которыми наиболее богат регион. Эта стратегия прямо вписывается в приоритеты «устойчивого развития» и «сохранения биоразнообразия». Эта стратегия создает основу и для формирования соответствующих механизмов природопользования.

Так, возникает возможность внедрить иные подходы к организации рыбного хозяйства, при котором основной задачей становится сохранение для долговременного пользования природно-ресурсной базы, а не принципы теоретически чистой «свободной конкуренции» «частных предпринимателей», выраженные в действующем антимонопольном законодательстве. Эти принципы, нашедшие практическое выражение, в частности, в придании гипертрофированно важного значения некоторым техническим способам распределения чего угодно на конкурсах и аукционах, явились одними из главных факторов действия общественных механизмов, безудержно уничтожающих в 1990-е годы и начале 2000-х годов водные биологические ресурсы вместе с рыбным хозяйством, как отраслью, экономикой регионов и биоразнообразием эксплуатируемых природных систем.

Возникает возможность форсировать внедрение в экономику страны и, как минимум, в экономику сырьедобывающих регионов рентных отношений, которые являются апробированным в мировой экономике экономическим механизмом, могущим, при рациональном применении, гарантированно обеспечить сохранение природных комплексов и долговременное эффективное использование природно-ресурсного потенциала.

Возникают фундаментальные основания для внедрения в лососевое рыбное хозяйство бассейнового принципа организации, наиболее соответствующего системной организации включающих в себя лососей речных природных систем. Передача в долговременную аренду одному предприятию бассейна реки с правом использования биологического природно-ресурсного потенциала и с обязанностью обеспечить охрану и рациональное использование ресурсов и сохранение состояния природных комплексов, является в действующей экономической системе российского рынка одним из надежных инструментов для сохранения лососевого ресурсного потенциала сохранения природных комплексов, сохранения биоразнообразия. Сложившаяся же практика представления многим рыбопользователям права промысла рыбы в реках без ответственности за состояние природных систем этих рек в целом, является гарантированным механизмом деструкции и лососевых популяций, и природных систем в целом.

Одной из важнейших проблем для Камчатки и прилегающих морей является, - а в связи с вышеназванными решениями конференции в Иоганнесбурге (2002 г.) приобретает и важнейшее общечеловеческое и общероссийское значение, - всестороннее обоснование выводов и принятие ответственного государственного решения по вопросу о приоритетах в использовании природно-ресурсного потенциала прилегающих к Камчатке Охотского и Берингова морей и Тихоокеанской зоны. Эти морские зоны отличаются одной из высших в Мировом океане био- и рыбопромысловой продуктивностью. Нерациональное ведение рыбного хозяйства может на какое-то время снизить количественные и качественные (видовые, например) показатели природного рыбопромыслового потенциала, но не уничтожит его, поскольку основой последнего является состояние природной среды, обеспечивающее постоянное воспроизводство первичной биопродукции. Постоянное в течение 1990-х годов и нарастающее в начале 2000-х годов движение к интенсификации разведки и добычи углеводородов на шельфе названных морей гарантированно приведет к ухудшению состояния морской природной среды, к снижению биологических воспроизводственных возможностей, к разрушению – возможно навсегда – ресурсного потенциала рыбного хозяйства. Принципиальный выбор приоритетов на базе всесторонней эколого-экономической оценки природно-ресурсного потенциала прикамчатских морей относится к важнейшим задачам государственного уровня. Решение этой задачи, после непродолжительного периода разрешения отдельным ведомствам проводить здесь нескоординированную политику природопользования, может дать природа, отреагировав на эту политику необратимой деградацией морских экосистем.

В заключение можно отметить следующее. Для рациональной и эффективной организации перехода к «устойчивому развитию» и человечества в целом, и отдельных стран, субглобальных и региональных природообщественных систем необходима не только организационная, экономическая, технологическая, но, прежде

всего, научная подготовка. Для теоретических и методологических исследований в этом направлении чрезвычайно важной представляется разработка целостной системы концептуальных воззрений на процессы «устойчивого развития» и «сохранения биоразнообразия» с учетом их взаимосвязи с другими процессами и приоритетами развития человечества. На этой основе важно сформировать научнообоснованную систему долговременных и кратковременных целей и задач с вариантной оценкой основных сценариев развития ситуаций для придания управляемости переходу человечества к «устойчивому развитию» в целом.